

Медиа как предельный опыт

XX век, породивший медиа, как совокупность устройств для приобретения, сохранения и передачи информации, отчасти и таким образом подвел новоевропейскую рациональность к собственным границам. Несмотря на то что, медиа в своем источнике представляет из себя попытку творческого развертывания и распространения этой рациональности по поверхности земли, в итоге прямая коммуникация между субъектами медиaproцесса выливается в спазмы абсурда и отторжение того, что может быть рационально обосновано и непосредственно понято. С другой стороны это непонимание некоторых элементов медиа (допустим человеку, не включенному в медиа реальность непонятны какие-либо медиа знаки) может демонстрировать лишь младенчество медиа, когда оно еще не научилось говорить и непрерывно вынуждено изобретать свой язык, как способ собственного обогащения.

Медиа интерпретируемое в качестве медиаискусства может быть соотнесено с концептуальными составляющими произведения искусства. Рассмотрим медиа в качестве опыта-предела (*l'expérience-limite*) - понятия, теоретически разработанного французским литературным критиком, писателем и философом Морисом Бланшо (1907 - 2003).

Понятию предельный опыт посвящена вторая глава из трех фундаментальной работы «Бесконечная беседа» (*L'entretien infini*, Gallimard, 1969). Бланшо напрямую соотносит и даже приравнивает свое понимание предельного опыта и внутреннего опыта, как его понимал Батай: «Давайте найдем такой такое место, где предельный опыт то, что Жорж Батай зовет «внутренний опыт» <...> не просто выдает себя как странный феномен, но как особенность ума экстраординарного, но сохраняя для себя его власть под вопросом»¹.

«Предельный опыт – это ответ, с которым сталкивается человек, когда он решил радикально поставить себя под вопрос»². Ответ заключается в том, что человеческое вопрошание в своей способности объять весь универсум, включая и то, что этот универсум постигает, несмотря на то, что абсолют должен содержать в себе утешение и удовлетворение, он их не приносит. Для выражения абсолюта, то есть возможности его выражения человек находит

¹ *Blanchot, Maurice L'entretien infini*, Gallimard, 1969. P. 302.

² *Ibid.* P.302.

такие имена как Бог, Бытие, Благо или Единое, в своем стремлении к абсолюту он предполагает универсального человека, обладающего абсолютным знанием.

Медиа в своем стремлении к универсальности, предполагает абсолют медиaprостранства и медиавремени. Пространственно-временной континуум медиа предполагает идеал, то есть это идеализированное пространство и время. Подобная интерпретация позволительна, если медиареальность возникает только в результате творческого события, обладающего соответствующими творческими характеристиками. Медиа как творчество, заменяемое медиа как технология, производство утрачивает идеал в связи с его достижением и постоянным воспроизводством. Творчество медиа, как ни странно в современности именно благодаря технологии обретает источник неиссякаемой возможности воспроизводить идеал в новом обличье или статусе. В этом заключается переворот: определяющим для медиа оказывается способ, благодаря которому медиaprостранство себя воспроизводит. В качестве информационных потоков, творчески вскрывающих поверхность бытия, медиа концентрируется на самой себе со стороны технологии технологи – как способа, вышеупомянутого воспроизводства. Идеал медиа пытается отличиться от идеала классической рациональности, в связи с тем, что он локален, индивидуален и приложим к точке единичности до такой степени, что интенсивность присутствия его скрывает. Подобное отношение указывает на область откуда по мнению Бланшо исходит каждое произведение искусства - из нейтральности.

40

Развертывание знания до абсолюта по сути означает конец истории или культуры. Таково движение гегелевского Духа, возрастающего на поступательном развертывании диалектики негативности: «не познается ничего, чего нет в *опыте*, или, выражая то же самое другими словами, - познается только то, что имеется налицо как *прочувствованная истина*, как вечное, внутренне данное в откровении, как составляющее предмет веры священное <...> ибо опыт в том и состоит, что содержание – а оно и есть дух – есть *в себе*, есть субстанция и, следовательно, предмет сознания»³. Но по Бланшо «предельный опыт это опыт, который ждет этого предельного (ultime) человека, человека который в этот последний раз способен не остановиться на достаточности, которой он достиг: желание того, у кого нет желания, неудовлетворенность того, кто «полностью» удовлетворен, чистый недостаток, где, однако, имеется совершенство бытия»⁴.

³ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. / Пер. с нем. Г. Шпета – СПб.: «Наука», 1999. С. 429.

⁴ Blanchot, Maurice L'entretien infini, Gallimard, 1969. P. 304.

Предельный опыт отсылает к тем моментам, которые, по Бланшо, единственно делают возможным сообщество двоих или многих: начало и конец человеческой жизни. Существует ли некая первоначальная сцена: «(Une scene primitive?) Ты, кто живешь позже, близко к сердцу, которое больше не бьется, представь, представь следующее: ребенок, семи лет или может восьми? - стоит у окна, отодвигая занавеску, смотрит сквозь стекло. Что он видит: сад, зимние деревья, стену дома. Хотя он видит, несомненно на детский лад, его место для игр, на него надвигается усталость и он медленно бросает взгляд на обычное небо, с облаками, серым светом – туманный день, без дали.

Что случилось потом: небо, *тоже самое* небо, внезапно открылось, абсолютная чернота и абсолютная пустота, открывая (как будто стекло было разбито) такую пустоту, что в ней все впоследствии всегда и навеки было потеряно, потеряно так, что там утверждено и растворено головокружительно знание, что ничто – это то, что имеется [rien est ce qu'il y a] и прежде всего ничто там, по ту сторону [et d'abord rien au-delá]. Неожиданный аспект этой сцены (ее неуничтожимая черта) – это чувство счастья, которое тотчас наполняет ребенка, опустошающая радость, которую он может засвидетельствовать только через слезы, бесконечный поток слез. Предполагается, что он страдает от детских страхов, предпринимаются попытки утешить его. Он не говорит ничего. Отныне он будет жить в секрете. Он больше не будет плакать»⁵.

Удел существа, которое называет себя человеком, достаточно странен, из того, что его окружает, из непосредственной данности, из полноты обозримости он извлекает разрушительную силу, раскрывающую в окружающем и из окружающего, в «том же самом» принципиально иное. Эту одержимость можно определить как *воля к трансценденции*. Выворачивание действительности, раскол, смещение и расширение горизонтов, погружение в глубины и в высоты, все эти действия или не-действия предстают способами манифестации этой воли. Бог, ничто, Внешнее – это конструкции, передаваемые внутри сообщества двух, может быть даже себя и себя, в качестве рефлексивного сознания. Для подобной конструкции нужен скачок, трансгрессия или даже медиаобработка. Считается, что подобная активность, все-таки свойственна не всем и через обыденное сознание достаточно сложно прикоснуться к Богу. Бланшо же сообщает, что к нейтральности обыденное сознание может с такой же легкостью приобщиться, как и литературный опыт, так и, возможно, религиозное сознание. Медиа в качестве

⁵ Ibid. P. 117.

всеохватности своего проникновения именно через обыденное сознание манифестирует нейтральное в его безудержном желании взорваться многообразием бытия. Обыденное сознание включая в себя привычку и принцип удовольствия, естественно подводит эти основы к пределу, что приводит к тому, что эти элементы буквально погружают в море нейтральности, однако, населенное другими персонажами. То есть любое действие, доводимое до предела отсылает к трансценденции, что вполне логично, предполагая нечто за-предельное. Отводя обыденному сознанию шанс приобщения к особому типу трансценденции, мы, с другой стороны, можем встретиться с точкой зрения, что не преобразованная определенным образом обыденность не имеет права прикоснуться к определенному виду внешнего, которое может быть дружественным или недружественным, или нейтральным, откуда сама дружественность будет проистекать.